



Рец. на кн.: MARY R.S. CREESE (with contributions
by THOMAS M. CREESE). *LADIES IN THE LABORATORY IV:
IMPERIAL RUSSIA'S WOMEN IN SCIENCE, 1800–1900:
A SURVEY OF THEIR CONTRIBUTIONS TO RESEARCH.*
Lanham; Boulder; N.Y.: Rowman & Littlefield, 2015. XIII+174 p.

Алексей Валерьевич Куприянов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

16 ул. Союза Печатников, Санкт-Петербург, Россия

alexei.kouprianov@gmail.com

Аннотация: Рецензируемая книга — заключительная часть четырехтомной монографии о женщинах-ученых XIX в., посвященная Российской империи (включая Царство Польское, но без Великого княжества Финляндского). По форме это коллекция биографических очерков, написанных по большей части на основе опубликованных источников и сгруппированных по научным дисциплинам и странам, с которыми героини очерков были связаны происхождением или карьерой. Отдельный интерес представляет библиография научных статей за авторством женщин-ученых Российской империи. В рецензии, в целом позитивной, отмечается некоторая непоследовательность в изложении материала и более детально обсуждаются ограничения авторского подхода к определению границ популяции женщин-ученых XIX в. в Российской империи.

Ключевые слова: XIX век, Российская империя, Царство Польское, женщины в науке, биографии, библиография.

Для ссылок: Куприянов А. Рец. на кн.: Mary R.S. Creese (with contributions by Thomas M. Creese). *Ladies in the Laboratory IV: Imperial Russia's Women in Science, 1800–1900: A Survey of Their Contributions to Research.* Lanham; Boulder; N.Y.: Rowman & Littlefield, 2015. XIII+174 p. // Антропологический форум. 2018. № 36. С. 185–197.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-36-185-197

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/036/kouprianov.pdf>

**A Review of MARY R. S. CREESE (with contributions
by THOMAS M. CREESE), *LADIES IN THE LABORATORY IV:
IMPERIAL RUSSIA'S WOMEN IN SCIENCE, 1800–1900:
A SURVEY OF THEIR CONTRIBUTIONS TO RESEARCH.*
Lanham; Boulder; New York: Rowman & Littlefield, 2015, XIII+174 pp.**

Alexei Kouprianov

National Research University “Higher School of Economics” (St Petersburg)

16 Soyuzna Pechatnikov Str., St Petersburg, Russia

alexei.kouprianov@gmail.com

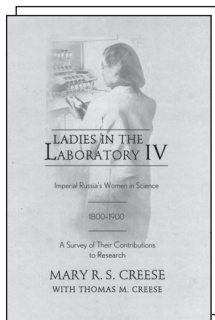
Abstract: The reviewed book is the final part of the four-volume monograph on 19th century women in science, that deals with Russian Empire (including Congress Poland but excluding Great Duchy of Finland). The book presents a collection of biographical essays of varying length based on published sources. Essays are grouped by scientific disciplines and country of origin or career. The book also includes a bibliography of scientific papers published by women scientists from Russian Empire. A generally positive review focuses on some inconsistencies in the presentation of the material and discusses at length some limitations of author's approach to the identification of women scientists of the 19th century Russian Empire.

Keywords: 19th century, Russian Empire, Congress Poland, history of science, women in science, biographies, bibliography.

To cite: Kouprianov A., 'A Review of Mary R. S. Creese (with contributions by Thomas M. Creese), *Ladies in the Laboratory IV: Imperial Russia's Women in Science, 1800–1900: A Survey of Their Contributions to Research.* Lanham; Boulder; New York: Rowman & Littlefield, 2015, XIII+174 pp.', *Anthropologicheskij forum*, 2018, no. 36, pp. 185–197.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-36-185-197

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/036/kouprianov.pdf>



Рец. на кн.: **Mary R.S. Creese (with contributions by Thomas M. Creese)**. *Ladies in the Laboratory IV: Imperial Russia's Women in Science, 1800–1900: A Survey of Their Contributions to Research*. Lanham; Boulder; N.Y.: Rowman & Littlefield, 2015. XIII+174 p.

Рецензируемая книга — заключительная часть четырехтомной монографии о женщинах-ученых XIX в., посвященная Российской империи (включая Царство Польское, но без Великого княжества Финляндского). По форме это коллекция биографических очерков, написанных по большей части на основе опубликованных источников и сгруппированных по научным дисциплинам и странам, с которыми героини очерков были связаны происхождением или карьерой. Отдельный интерес представляет библиография научных статей за авторством женщин-ученых Российской империи. В рецензии, в целом позитивной, отмечается некоторая непоследовательность в изложении материала и более детально обсуждаются ограничения авторского подхода к определению границ популяции женщин-ученых XIX в. в Российской империи.

Ключевые слова: XIX век, Российская империя, Царство Польское, женщины в науке, биографии, библиография.

Рецензируемая работа — заключительный том монографии о женщинах в науке XIX — начала XX в., принадлежащей перу недавно умершей Мэри Криз¹. Предыдущие были посвящены женщинам-ученым Великобритании и США, континентальной Европы (за исключением Польши и России) и заморских владений Британской империи (Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки и Канады), в этом речь идет о Российской империи (за изъятием Великого княжества Финляндского). Точкой входа в мир женщин-ученых автору служил каталог научных статей Лондонского Королевского общества (*Catalogue of scientific papers 1800–1900*. 19 vols., London, 1867–1925)². Почти про каждую женщину из России, упомянутую в этом каталоге, в книге есть хотя бы пара строк. К ним добавлено еще несколько лиц, по тем или иным причинам не попавших на его страницы.

Алексей Валерьевич Куприянов

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
alexei.kouprianov@gmail.com

¹ Мэри Роза Стюарт Криз (22 декабря 1935 г., Оркнейские о-ва, Шотландия — 12 мая 2017 г., Лоренс, Канзас), дочь священника Уолтера Джорджа Вейра и школьной учительницы Энни Вейр, бакалавр наук Университета Глазго (1967), доктор философии Калифорнийского ун-та в Беркли (1961), автор работ по химии, библиографии и истории науки. Муж и соавтор — математик Томас Криз — содействовал в создании базы данных по публикациям, на которой основаны подсчеты во вводных разделах томов, отвечал за подготовку иллюстраций и консультировал по содержательным вопросам творчества немногих женщин-математиков.

² В подписях к иллюстрациям он ошибочно цитируется как “*Catalogue of scientific papers 1800–1990*”.

В распределении материала по главам и подглавам чередуются дисциплинарный и географический аспекты. После двухстраничного введения следуют главы (1) о медицине, (2) химии и биохимии, (3) «науках о жизни» (ботаника, зоология и отдельно энтомология), (4) математике и астрономии, (5) «геологах, палеонтологах и прочих изыскателях», к которым отнесены и немногочисленные археологи и антропологи (судя по всему, потому что они тоже что-то ищут в земле), и, наконец, (6) о женщинах-ученых, связанных своим происхождением или деятельностью с Царством Польским. В одной из самых богатых персоналиями глав (о медицине) есть подглавы об отдельных университетах Европы и даже об отдельных профессорах Бернского университета, игравшего центральную роль в деле медицинского образования. Завершает книгу приложение, в котором упомянуты еще полтора десятка персон, не нашедших себе места в предыдущих томах монографии. Отдельный интерес представляет дополненная автором библиография научных статей упоминаемых в книге женщин-ученых (Российская империя без Царства Польского — 98 имен, Россия / Италия — 3, Царство Польское — 21, прочие, по большей части не имеющие никакого отношения к России, — 16). Справочный аппарат включает затекстовые примечания к каждой главе, избранную библиографию (не покрывающую всего разнообразия источников, упоминаемых в затекстовых примечаниях, но содержащую компактный список всех основных использованных публикаций) и предметно-именной указатель. Следует отметить, что библиография научных статей российских женщин-ученых XIX в. составлена довольно избирательно: какая-то часть известных автору публикаций в нее не вошла (причем речь здесь не только о книгах). Эти дополнительные публикации можно обнаружить в затекстовых примечаниях к главам. Причины, по которым они не попали в библиографию, нигде специально не объясняются.

По форме книга представляет собой коллекцию биографических эссе, написанных в несколько вольной манере (недостаточная мощь анализа не позволяет классифицировать эту работу как полноценное просопографическое исследование). Хорошо изученным персонам, таким как О.А. Федченко (1845–1921), С.В. Ковалевская (1850–1891) или М. В. Павлова (1854–1938), посвящены довольно объемные очерки, занимающие по нескольку страниц каждый. Данные о менее известных нередко исчерпываются информацией из университетского матрикула и библиографического каталога: имя, год и место рождения (в некоторых случаях — годы деятельности на ниве науки), краткая характеристика опубликованных работ (нередко — единственной работы), а порой и того менее. Краткое

изложение содержания опубликованных работ зачастую составляет, таким образом, основное содержание очерка, что гармонирует с авторским пониманием одной из основных задач книги — в прямолинейно позитивистском ключе описать вклад женщин-ученых в науку. Возможно, неровность очерков — лишь отражение того, что автор использовала, по крайней мере в томе о России, исключительно опубликованные источники (включая опубликованные в интернете архивные материалы), в результате оказавшись в полной зависимости от степени разработанности эмпирики другими авторами.

Аналитическая составляющая ограничивается несколькими абзацами во введении и шестью круговыми диаграммами, отражающими структуру корпуса публикаций женщин-ученых, упомянутых в книге. Основной текст заканчивается довольно внезапно, рассыпаясь горкой приложений по завершении абзаца, посвященного «еще одной польке, Юзефе Чарновской, обнаруженной в каталоге Королевского общества» (Р. 75), о которой не удалось выяснить ничего, кроме того что она опубликовала в 1900 г. очерк о работах геолога Н.И. Андрусова.

Центральные тезисы сочинения носят описательный характер. Автор отмечает, что среди женщин-авторов работ, представленных в каталоге Королевского общества, поданные Российской империи (включая Царство Польское) составляют довольно значительную часть — около 12 %, превосходя в этом отношении женщин из всех прочих стран, за исключением Великобритании (26 %) и Северной Америки (41 %). Столь сильные позиции российских женщин в поле науки автор объясняет общественным подъемом эпохи великих реформ. С распространением нигилизма и пришедшей с ним модой на естественные науки и медицину как потенциально наиболее полезные обществу знания автор связывает повышенный интерес российских женщин к биомедицинским специальностям (около 70 % как имен, так и публикаций связаны с медициной, анатомией и физиологией человека, бактериологией, химией и биохимией) и преобладание среди них лиц с университетским образованием. В других странах женщины-ученые работали по большей части в области естественно-исторических дисциплин (преимущественно ботаники и, в меньшей степени, зоологии) и, как правило, не имели формального образования или получали общее образование без выраженной естественно-научной специализации. В связи с этим автор упоминает и важные инфраструктурные изменения второй половины XIX в. — допуск женщин к высшему образованию, в котором ведущую роль для россиянок поначалу играли университеты Швейцарии, первыми открывшие двери для женщин наравне с мужчинами.

Иллюстративный ряд, помимо упомянутых шести графиков, представлен двумя картами, на одной из которых показаны владения Российской империи в Средней Азии, на другой — положение Царства Польского в Европе. Единственная фотография, использованная в оформлении переплета серии, хотя и изображает женщину в лаборатории, не имеет никакого отношения ни к России, ни к XIX веку. Печально, что в книге нет ни портретов, ни изображений лабораторных интерьеров, ни экспедиционных фотографий, однако понятно, что подбор и публикация материалов такого рода всегда связаны с дополнительными временными затратами и, нередко, денежными расходами.

Прежде чем переходить к критическим замечаниям, следует ответить на несколько вопросов. Справедливо ли требовать от любой работы, в заглавии которой есть слово «лаборатория», чтобы это было непременно сочинение, обогащенное идеями *laboratory studies* 1970–1990-х гг.? Или вообще хоть сколько-нибудь теоретически нагруженный рассказ о лабораториях? В чем вообще автор видела свою основную задачу: написать о женщинах-ученых Российской империи в XIX в.? Или создать подборку биографических маргиналий к каталогу научных статей, изданному Королевским обществом? Я сам предпочел бы, чтобы ответ на них был «да — да — да — нет», но здравый смысл подсказывает, что на референдуме, проведенном среди людей, читавших книгу, самым популярным оказался бы вариант «нет — нет — нет — да». Поэтому, как бы ни хотелось получить “*Beamtimes and Lifetimes*” Шарон Травик или “*Laboratory Life*” Бруно Латура и Стива Вулгара, но только о России и про XIX век, мы не должны обманываться ни названием книги, обещающим рассказать о женщинах в лаборатории, ни даже тем, что во второй главе нам обещают *opening laboratory doors*. Как уже ясно из констатационной части рецензии, книга состоит из биографических очерков, упорядоченных по дисциплинам, а вторая глава посвящена химии, которая считается более «лабораторной», чем «медицина». Поэтому критика не будет касаться избранного подхода в целом. Я постараюсь удержаться в максимально «атеоретических» рамках и позволю себе выйти за них лишь однажды, когда речь пойдет о том, насколько хорош был избранный каталог в качестве основного источника информации о женщинах-ученых Российской империи, потому что именно в этом вопросе изгнанный в дверь теорминимум настойчиво лезет в окно. Я начну с почти технического замечания о транслитерации, затем коснусь спорных вопросов исторической географии, а закончу основным вопросом об установлении границ изучаемой популяции женщин-ученых.

Проблемы транслитерации имен и заглавий, возможно, вообще не стоили бы особого упоминания, если бы в одном из фокусов книги не находилась библиография работ русских авторов. Удачной находкой следует признать то, что наряду с транслитерированными заново приведены оригинальные версии транслитерации фамилий и имен, некогда использовавшиеся в публикациях. Это тем более важно, что, при декларированной верности системе, принятой в каталоге Библиотеки Конгресса США, автор почти не придерживается ее и не вполне последовательна даже в случаях, требующих определенного единообразия. Например, *Sofia Bakunin* трансформируется в *Sof'ia Mikhailovna Bakunina*, а *M. Bakunin* — в *Maria Michailovna (Marussia) Bakunin*, приобретая отличное от сестры отчество. Традиционное для той эпохи использование в публикациях на иностранных языках мужской формы фамилии (обычно с добавлением *Mlle.*, *Mme.* и иных подобных уточнений) породило дополнительные проблемы. Во многих, хотя и не во всех случаях была восстановлена женская форма, однако иногда, напротив, на основе женской была сформирована мужская (так *Tatiana Vedenissova* превратилась в *Tatiana Vedenisov*). Менее частотные окончания и характерная для XIX в. неустойчивость написания фамилий внесли свою долю затруднений, например Е.В. Соломко (Сатириадис) приводится то как *Solomko*, то как *Solomka*, а женщина-химик *Mlle. M. Idzkovskij*, происходившая из Царства Польского, превратилась в *Mathilde Idz'kovskaia* (в действительности — *Idzkowska*, под каковой фамилией ее до сих пор и цитируют химики). Определенные трудности вызвала и передача некоторых топонимов (Пулково, превращающееся в *Pulkova*, и Поволжье — в *Povolzh'*).

Serdsie мое не раз замирало, когда я вчитывался в названия работ на русском языке. Единообразие транслитерации постоянно нарушалось самым причудливым образом: «ы» передавалось то как “у”, то как “и” или “i”, «в» (в отдельных случаях) как “b”, «ѣ» вовсе опускалась («замѣтка» передана как “*zamika*”, а «*pri perehodѣ*» — как “*pri perekhod*”) и т.д. Наконец, автор использовала довольно оригинальные и порой необоснованно разнообразные сокращения названий журналов. Например, и *St. Petersburg, Russ. Entomol. Soc. [Horae]*, и *St. Petersburg, Russ. Entomol. Soc. [Trudy]* — это в действительности одни и те же *Труды Русского энтомологического общества в С.-Петербурге = Horae societatis entomologicae rossicae*, название которых традиционно сокращается как *Hor. Soc. Ent. Ross.* Дело спасал приложенный к библиографии список сокращений, в котором были приведены полные названия периодических изданий, однако даже при его наличии было бы лучше, если бы сокращения выглядели более привычно (то же касалось и иных неанглоязычных изда-

ний, но там по крайней мере не добавлялись оригинальная транслитерация или перевод). Все это, впрочем, не может стать непреодолимым препятствием на пути потенциальных читателей, многие из которых, скорее всего, будут иметь какое-то представление о России, русских и польских именах и названиях важнейших научных и медицинских журналов того времени (или же, напротив, им не будет до этих частностей никакого дела).

Распределение биографических очерков между томами нигде подробно не обсуждается, хотя довольно очевидно, что в основу положен географический принцип, в несколько анахронической манере сочетающий реалии конца XIX и середины XX в. (со все еще подвластными Британии колониями и почти целой Австро-Венгрией, но независимыми Польшей и Финляндией). Трудно, однако, не обратить внимания на некоторую нетвердость в следовании ему, обусловленную, вероятно, неотрефлексированной борьбой крови с почвой в попытках приписать национальную идентичность ученым с отчетливо транснациональными жизненными траекториями. Так, в том о России включены очерки о двух дочерях М.А. Бакунина. Вместе с тем, хотя одна из них и родилась в Красноярске во время кратковременного визита ее матери на родину, вся или почти вся их жизнь прошла за пределами России. То же, видимо, справедливо и в отношении Татьяны Веденисовой (происхождение ее автором не установлено, но указано, что она училась и работала в Италии)¹. Биография Марии Скловской-Кюри, родившейся и проведшей юность в Царстве Польском, напротив, изложена во втором, «европейском» томе. В нем же, в главе о Скандинавских странах, можно найти и эссе об уроженках Великого княжества Финляндского, входившего в XIX в. в состав Российской империи, хотя одна из них (Лилия Сеземанн) вскользь упоминается в томе о России (Р. 54). Зато к числу россиянок отнесена Ольга Малинеско (род. 1864), происходившая из Буковины, входившей на тот момент в состав Австрийской империи, о которой известно лишь то, что она училась в Женеве и там же опубликовала две статьи в соавторстве с Робером Шода, профессором ботаники². Распределение биографий между Россией и Польшей иногда также вызывает

¹ Судя по всему, это родившаяся в 1875 г. в Италии дочь нештатного консула Российской империи в Милане Александра Петровича Веденисова (1827–1902).

² По не вполне понятным причинам автор сообщает, что впоследствии Буковина была присоединена к Болгарии (вероятно, путая последнюю с Румынией), после чего стала частью СССР (см. р. 75). В последнем утверждении есть доля правды, поскольку северная часть Буковины в 1940 г. была аннексирована СССР и вошла в состав Украинской ССР вместе с другими западными землями, однако все это никак не оправдывает включение Ольги Малинеско в число русских женщин-ученых XIX в.

вопросы, однако, учитывая незначительное общее количество персоналий и концентрацию их в одном томе, не создает серьезных проблем.

Покончив с чисто техническими замечаниями, пора обратиться к центральной проблеме — последствиям принятия каталога научных статей Королевского общества за отправной пункт в исследовании вклада в науку русских женщин-ученых XIX в.

Наличие публикаций действительно считается ныне важнейшим критерием для формального отнесения того или иного лица к числу «ученых», а сами публикации — едва ли не единственной признаваемой формой «вклада в науку». Однако такая редукция к публикационной активности, возможно, чем-то помогающая специалистам в области прикладной наукометрии, научной политики или HR-менеджерам, вряд ли оправдана в работе по истории науки. В особенности, когда затрагиваются лабораторные исследования или лишенные привилегий группы, к каковым в науке XIX в. относились женщины, только начинавшие массовое вторжение в область, где традиционно доминировали мужчины. Автор исподволь признает ограниченность публикационного критерия, в некоторых случаях приводя биографические справки женщин-студенток, выступавших «скрытыми» соавторами мужчин-профессоров, однако масштабы этой «скрытой массы» нигде не обсуждаются. Через четверть века после того, как Стивен Шейпин проблематизировал скрытый труд технических сотрудников лабораторий [Sharin 1989], обозначив целое направление историко-научных исследований (у социологов и антропологов, к тому времени уже десятка полтора лет наблюдавших повседневно научных лабораторий, проблем со «скрытностью» труда лаборантов было куда меньше), любая работа, посвященная лабораторным наукам и исключая по крайней мере обсуждение этого аспекта, выглядит довольно старомодно.

Во введении автор справедливо указала, что большинство публикаций российских женщин были побочным продуктом исследований, выполнявшихся под руководством профессоров в «институтах» и «лабораториях», в рамках процесса обучения или подготовки квалификационных работ. Лишь немногим удавалось войти в науку, минуя специализированное высшее образование, или, по его получении, продолжить публиковаться вне связи с защитой диссертаций. Последнее отчасти справедливо и для мужчин. Если ориентироваться на наиболее востребованные среди женщин-ученых Российской империи биомедицинские специальности, то сравнительный материал сам идет в руки. Опыт многих русских «врачей-писателей» [Змеев

1886–1889] ограничен единственной опубликованной работой — диссертацией на соискание степени доктора медицины. Судя по результатам детального исследования одной из образцовых учебных лабораторий — лаборатории Юстуса Либиха в Гиссенском университете (начало 1830-х — конец 1840-х гг.), предпринятого Джозефом Фрутоном [Fruton 1988], в среде студентов-химиков ситуация с публикациями была приблизительно сходной (хотя деятельность Либиха в Гиссене приходится на более ранний период, мне думается, отличия от 1860-х — 1880-х гг. в интересующих нас отношениях не столь существенны). В работе Фрутона дана и количественная оценка «скрытой массы» студентов в учебной лаборатории, а более теоретически нагруженные работы Фредерика Холмса [Holmes 1989] и в особенности Катерины Джексон [Jackson 2008] помогают по-новому взглянуть на ее значение, не сводимое к роли неизбежного, но малоценного «балласта».

В связи с этим закономерно встают вопросы о том, велика ли эта «скрытая масса» и можно ли все же было как-то оценить ее в нашем случае? Мне кажется, в распоряжении автора было все для этого необходимое. Достаточно было, подобно Фрутону и его предшественникам, избрать другой отправной пункт — университетские матрикулы, к которым все равно пришлось обращаться в поисках биографических данных. Так, если заглянуть в активно используемый в книге матрикул Цюрихского университета [Matrikeledition 2014], то с 1866 по 1895 г. (период, примерно совпадающий с периодом имматрикуляции упомянутых в книге лиц) в нем можно обнаружить 390 (!) уникальных имен женщин, указавших Российскую империю в качестве страны происхождения, причем подавляющее большинство из них специализировалось в естественных науках и медицине¹. Упомянутые в книге персоны, бывшие студентками Цюрихского университета (32 имени), составляют от этого числа чуть более 8 %. У гиссенских студентов-химиков, обсуждаемых Фрутоном, доля участвовавших в публикациях по результатам работы в лаборатории Либиха была выше, около 20 %, однако для каких-либо выводов из этого сопоставления недостает сравнительного материала (кроме того, в Гиссене мы имеем отдельную лабораторию, а в Цюрихе — целый комплекс лабораторий и институтов с различными показателями публикационной активности). К сожалению, матрикулы других университетов Швейцарии не столь доступны для экспресс-анализа, однако можно ожидать, что и там студентки, сумевшие довести свои исследо-

¹ При анализе матрикулов важно помнить, что многие студенты и студентки упоминаются в них более одного раза, поэтому общее количество записей за определенный период может быть намного большим, чем количество студентов и студенток.

вания до публикации, окажутся в меньшинстве¹. Разумеется, при увеличении размеров популяции женщин-ученых на порядок вряд ли удалось бы удержаться в рамках избранного подхода к изложению материала, однако это могло бы подтолкнуть к поиску иных форм, более аналитического плана.

Однако даже если отвлечься от вопроса о «скрытой массе», остается другой — можно ли считать каталог научных статей, изданный Королевским обществом, самым удачным источником по публикациям женщин-ученых Российской империи? Очевидно, что для работ на английском языке он — едва ли не лучшее, что можно себе представить. Вместе с тем можно было бы ожидать, что он будет неполон в отношении авторов, писавших на других языках, в особенности тех, кто публиковался в России, надежно изолированной от англоязычного научного сообщества двойным барьером неродственного языка и своеобразной письменности. Одно лишь обращение к упомянутому выше словарю Л.Ф. Змеева могло бы, по грубым подсчетам, увеличить список публикующихся женщин-врачей вдвое. Из приблизительно двух-трех десятков героинь очерков Мэри Криз, укладываемых в тематические и хронологические рамки словаря Змеева, в последнем присутствуют восемь. При этом из него же можно почерпнуть сведения о еще пятидесяти (!) не упоминаемых в рецензируемой монографии женщинах-врачах из России, имевших публикации на русском, а иногда — и на иностранных языках. Девять из этих пятидесяти восьми имен обнаруживаются и в матрикуле Цюрихского университета, четыре при этом не пересекаются с монографией Криз. Это означает, что при минимальных усилиях биографические очерки о них могли бы быть не менее подробными, чем о многих иных упомянутых в монографии персонах². Другим довольно очевидным источником для расширения списка персоналий могли бы служить материалы съездов естествоиспытателей и врачей, более или менее регулярно проходивших в Рос-

¹ Здесь трудно обойти стороной вопрос о переменчивых судьбах цифровых архивов. С 2012–2014 гг., когда Мэри Криз собирала материал для книги в размещенных в интернете матрикулах Бернского и Цюрихского университетов, прошло каких-то три-пять лет, и вот Бернского уже и не сыскать (на настоящий момент доступна лишь страница с общей информацией о самом архиве, на сайте которого ранее были размещены данные), а в Цюрихском изменилась адресация (нужные персоны могут быть обнаружены через систему поиска, но они окажутся на страницах с уникальными адресами, отличными от указанных в примечаниях).

² Доступность аналогичных источников по Российской империи оставляет желать много лучшего. Разумеется, в XIX и начале XX в. университеты и иные учебные заведения более или менее регулярно публиковали списки студентов, однако доступных для анализа сводных баз данных практически не существует. Именно поэтому нельзя обойти молчанием первые опыты такого рода — доступную в интернете базу данных, основанную на матрикулах Гельсингфорского университета [Ylioppilasmatriikki 2003–2017], в котором женщины обучались с 1874 г., и результат многолетних усилий Оксаны Вахромеевой, печатный вариант базы данных по 7592 выпускницам Бестужевских курсов (на XIX в. их приходится 1784) [Вахромеева 2008].

сийской империи с 1867 г. Участие женщин-ученых в работе съездов естествоиспытателей и врачей было недавно проанализировано М.В. Лоскутовой [Лоскутова 2012: 82–83] (в этой работе обсуждается и участие женщин в работе аналогичных археологических съездов) и более детально — О.А. Вальковой [Валькова 2014а; 2014б]. В контексте нашего рассуждения достаточно упомянуть, что на XIX в. приходится первые десять из тринадцати съездов. Женщины принимали в них деятельное участие начиная с третьего. Счет участниц за XIX в. идет на сотни, 89 из них участвовали в двух и более съездах [Валькова 2014б: 818–841], 11 выступили с докладами [Валькова 2014а: 61–62]. Справедливости ради следует отметить, что десять из этих одиннадцати упомянуты в монографии М. Криз, однако остается по меньшей мере еще 79 постоянных участниц и более 400 (!) принимавших участие в съездах не менее одного раза. Понятно, что работа с материалами такого рода требует знания русского языка или хотя бы обширных консультаций с историками российской науки, однако трудно понять, почему возможная неполнота каталога Королевского общества в отношении неанглоязычных стран даже не обсуждалась. Это тем более огорчительно, что первые же попытки выхода за рамки каталога, предпринятые выше, показывают, что численность российских женщин-ученых и врачей XIX в., которые смогли довести результаты своих исследований до публикации, может быть увеличена в разы, а «скрытая масса» образованных женщин, имевших опыт научной работы хотя бы в процессе получения высшего образования, на порядок превосходит видимую часть «айсберга». Хотел бы подчеркнуть, что дело тут даже не в цифрах как таковых, а в оценке масштабов явления.

Общее ощущение, остающееся от чтения этой коллекции биографических очерков, удачно передается труднопереводимым словом *tantalising*. Читатели словно мчатся мимо живописных пейзажей на скоростном поезде. Вдали на холме виднеется сюжет для этнографического описания лабораторной жизни. В него хочется взглядеться, но поезд проносится мимо, и вот он уж скрылся из глаз. Вот — детальное описание хитросплетений судеб, параграфы, структурированные по университетским профессорам, странное совпадение имен через несколько страниц (Анна Клейман и Мария Васильева-Клейман, обе — дочери одесского торговца Леона (?) Клеймана, быть может, родные сестры, разлученные библиографическим рубрикаторм) манят возможностью изучения роли социальных сетей в миграции женщин в науку. Поезд идет. Вот — конфликт на биостанции, женщина, исполнявшая обязанности заведующей, вынуждена покинуть пост. Вся эта драма едва различима из окна поезда, летящего на бешеной скорости.

Все это, однако, хорошо уже тем, что наводит на размышления о возможности развития этих эмбриональных сюжетов. На это рассчитывала и сама Мэри Криз, писавшая о том, что «возвращение имен» женщин-ученых и краткая характеристика их вклада в науку — только первый этап работы.

Подводя итоги, я хотел бы сказать, что, несмотря на высказанные замечания, монография в целом — достойный памятник автору, женщине-ученой, посвятившей значительную часть жизни изучению вклада женщин в науку. Том, посвященный России, может служить неплохим обзором опубликованных биографических материалов (хотя и с объяснимыми лакунами в отношении русскоязычных работ) и отправной точкой для более глубоких исследований, которые, однако, уже потребуют иных аналитических подходов и иных источников. Можно, разумеется, долго сетовать на неполноту охвата источников, устаревшие историографические подходы, недостаточную систематичность изложения, однако придется признать, что в части, посвященной Российской империи XIX в., книга Мэри Криз на настоящий момент не имеет аналогов. По крайней мере, в России пока не вышло ни одной публикации, сопоставимой по охвату персоналий и дисциплин и адресованной широкому кругу читателей¹.

Библиография

- Валькова О.А.* Российские женщины-естествоиспытатели второй половины XIX — начала XX в.: по материалам Съездов русских естествоиспытателей и врачей (1867–1913). М.: Институт истории естествознания и техники РАН, 2014а. 89 с.
- Валькова О.А.* Женщины-естествоиспытатели Российской империи (конец XVIII — начало XX в.): Дис. ... д-ра ист. наук: В 2 т. М., 2014б.
- Вахромеева О.Б.* (сост.). Бестужевка в цифрах: к 120-летию юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов (1878–1918 гг.). СПб.: Б.и., 2008. 412 с.
- Змеев Л.Ф.* Русские врачи писатели. Вып. 1–[3]. СПб., 1886–1889. 3 т.
- Лоскутова М.В.* Съезды русских естествоиспытателей и профессорско-преподавательский корпус университетов Российской империи (1860–1910-е гг.) // Грибовский М.В., Фоминых С.Ф. (ред.). Профессорско-преподавательский корпус российских универ-

¹ Сборники и небольшие монографии, посвященные вкладу женщин в развитие отдельных дисциплин, преимущественно в XX в., время от времени публикуются (см., например: [Лунин 2013] и библиографию немногих более ранних обобщающих работ в: [Валькова 2014б]), но до создания всеобъемлющей картины пока далеко. Можно надеяться, что дальнейшая работа над огромным массивом материалов, собранных Ольгой Вальковой [Валькова 2014б], выльется в обобщающую монографию или биографический справочник женщин-ученых Российской империи, однако пока это дело будущего.

- ситетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы. Томск: Томский государственный университет, 2012. С. 76–93.
- Лунин В.В. (отв. ред.). Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. М.: Янус-К, 2013. 440 с.
- Fruton J.S. The Liebig Research Group: A Reappraisal // Proceedings of the American Philosophical Society. 1988. Vol. 132. No. 1. P. 1–66.
- Holmes F.L. The Complementarity of Teaching and Research in Liebig's Laboratory // Osiris. 1989. Vol. 5. Science in Germany: The Intersection of Institutional and Intellectual Issues. P. 121–164.
- Jackson C.M. Visible Work: The Role of Students in the Creation of Liebig's Giessen Research School // Notes and Records of the Royal Society of London. 2008. Vol. 62. No. 1. P. 31–49.
- Matrikeledition der Universität Zürich 1833–1924. [2014]. <<http://www.matrikel.uzh.ch/>>.
- Shapin S. The Invisible Technician // American Scientist. 1989. Vol. 77. No. 6. P. 554–563.
- Ylioppilasmatrikkeli 1853–1899. [2003–2017]. <<https://ylioppilasmatrikkeli.helsinki.fi/1853-1899/>>.

Алексей Курпьянов

A Review of Mary R. S. Creese (with contributions by Thomas M. Creese), *Ladies in the Laboratory IV: Imperial Russia's Women in Science, 1800–1900: A Survey of Their Contributions to Research*. Lanham; Boulder; New York: Rowman & Littlefield, 2015, XIII+174 pp.

Alexei Kouprianov

National Research University “Higher School of Economics” (St Petersburg)
16 Soyuz Pechatnikov Str., St Petersburg, Russia
alexei.kouprianov@gmail.com

The reviewed book is the final part of the four-volume monograph on 19th century women in science, that deals with Russian Empire (including Congress Poland but excluding Great Duchy of Finland). The book presents a collection of biographical essays of varying length based on published sources. Essays are grouped by scientific disciplines and country of origin or career. The book also includes a bibliography of scientific papers published by women scientists from Russian Empire. A generally positive review focuses on some inconsistencies in the presentation of the material and discusses at length some limitations of author's approach to the identification of women scientists of the 19th century Russian Empire.

Keywords: 19th century, Russian Empire, Congress Poland, history of science, women in science, biographies, bibliography.

References

- Fruton J. S., 'The Liebig Research Group: A Reappraisal', *Proceedings of the American Philosophical Society*, 1988, vol. 132, no. 1, pp. 1–66.
- Holmes F. L., 'The Complementarity of Teaching and Research in Liebig's Laboratory', *Osiris*, 1989, vol. 5, Science in Germany: The Intersection of Institutional and Intellectual Issues, pp. 121–164.
- Jackson C. M., 'Visible Work: The Role of Students in the Creation of Liebig's Giessen Research School', *Notes and Records of the Royal Society of London*, 2008, vol. 62, no. 1, pp. 31–49.
- Loskutova M. V., 'Syezdy russkikh estestvoispytateley y professorsko-prepodavatelskiy korpus universitetov Rossiiskoy imperii (1860–1910-e gg.)' [Congresses of Russian Naturalists and Professoriate of the Universities of Russian Empire (1860s — 1900s)], Gribovskiy M. V., Fominykh S. F. (eds.), *Professorsko-prepodavatelskiy korpus rossiyskikh universitetov. 1884–1917 gg.: issledovaniya i dokumenty* [Professoriate of Russian Universities, 1884–1917: Studies and Documents]. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet, 2012, pp. 76–93. (In Russian).
- Lunin V. V. (ed.), *Zhenshchiny-khimiki: biograficheskiy portret, vklad v obrazovanie i nauku, priznanie* [Women Chemists: Their Biographical Portrait, Their Contribution to Chemical Education, and Recognition of Their Merits]. Moscow: Ianus-K, 2013, 440 pp. (In Russian).
- Matrikeledition der Universität Zürich 1833–1924*. [2014]. <<http://www.matrikel.uzh.ch/>>.
- Shapin S., 'The Invisible Technician', *American Scientist*, 1989, vol. 77, no. 6, pp. 554–563.
- Vakhromeeva O. V. (comp.), *Bestuzhevki en chiffres. Pour le 130e anniversaire des Cours supérieures pour les femmes de Saint-Petersbourg (1878–1918)*. St Petersburg: S. n., 2008, 412 pp.
- Valkova O. A., *Rossiiskie zhenshchiny-estestvoispytateli vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.: po materialam Syezdov russkikh estestvoispytateley i vrachey (1867–1913)*. [Russian Women-naturalists of the Second Half of the 19th — Early 20th Century: Based on the materials from the Congresses of Russian naturalists and physicians]. Moscow: Institut istorii estestvoznaniia i tekhniki RAN, 2014, 89 pp. (In Russian).
- Valkova O. A., *Zhenshchiny-estestvoispytateli Rossiiskoy imperii (konets XVIII — nachalo XIX v.)* [Women Naturalists of the Russian Empire (Late 18th — Early 20th cc.)]. Doctoral dissertation in History of Science: In 2 vols. Moscow, 2014. (In Russian).
- Ylioppilasmatrikkeli 1853–1899*. [2003–2017]. <<https://ylioppilasmatrikkeli.helsinki.fi/1853-1899/>>.
- Zmeev L. F., *Russkie vrachi pisateli* [Russian Medicine Writers]: In 3 vols. St Petersburg, 1886–1889. (In Russian).